ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации «Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой ёмкости (на материале текстов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»)», представленной Ерохиной Анной Михайловной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Рецензируемая диссертация посвящена неоднозначно интерпретируемой в науке категории подтекста, проблеме его выявления на материале анализа художественного текста.

Актуальность исследования подтверждается существующим научным интересом к вопросам лингвистики текста, установления заложенных смыслов, интерпретации художественных произведений. До настоящего времени не решённым остаётся вопрос об определении критериев художественности текста и отграничении высокохудожественных текстов, способных получить вневременное признание, от текстов-«однодневок», продуктов массовой культуры. Представленная работа предлагает путь к решению этой проблемы инструментами языкознания: диссертантка предлагает технологию определения уровня литературного произведения в результате «анализа, основанного на количественном и качественном сравнении насыщенности подтекстовыми смыслами» (с. 8). Элементами научной новизны является как сама названная технология, связанная с формализацией исследования подтекста, так и сама методика поиска и классификации подтекстовых смыслов.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций. Текст диссертационного сочинения демонстрирует глубокую погружённость А. М. Ерохиной в проблематику исследования. Ею изучены и критически проанализированы в работе важнейшие теоретические источники в области текста, подтекста, семантики языковых единиц. Общий список

использованных источников содержит 216 наименований (из них 4 словаря). Поскольку вопрос о понятии «подтекст» является интердисиплинарным, объяснима апелляция к трудам не только лингвистов, но и философов, психологов, специалистов в области теории коммуникации и теории информации, за счёт чего рассуждение становится объёмным и многоаспектным. Однако переход от одной области науки к другой, как смена кода, оказывается сложен для читателя.

Достоинствами работы являются разработка метода формализации подтекста лингвистическими средствами, полнота исследования, корректность использования научных методов, обоснование сделанных выводов.

Работа состоит из трёх глав, первая из которых представляет теоретические подходы к исследованию, вторая и третья – авторское исследование текстов в рамках предложенного подхода.

В первой главе в разных аспектах рассмотрены понятия «художественный текст», «модель/моделирование», «подтекст», «лексия».

Считаем ценным вывод о том, что «извлечение или неизвлечение скрытого (имплицитного) смысла языковых единиц зависит не только от наличия или отсутствия в тексте подобных смыслов, но и от уровня образованности адресата» (с. 30).

Представляет интерес предложенное автором понимание художественного текста как информационного явления, созданного на основе наглядно-чувственного и понятийного мышления, и характеристика качества и количества подтекстовых единиц (образов) в тексте (с. 61 – 62).

Основательно проработан вопрос о соотношении понятий «образ» и «модель» (с. 33 – 36, 39 – 42), понятий «игра» – «текст» – «модель» (с. 53 – 60). Диссертантка собрала и систематизировала богатый теоретический материал, по сути, сопоставив на основе многочисленных работ объём названных понятий. Материал изложен чётко и грамотно и мог бы стать основой отдельных научных статей.

Вторая глава посвящена вопросу определения подтекстовых значений. Обоснованным представляется выбор метода интроспекции и комментарий А.М. Ерохиной: «анализ, основанный на методе интроспекции <…> для категории подтекста представляется в достаточной степени объективным и, с определенной точки зрения, единственно возможным, поскольку <…> только в границах одного восприятия возможно ощущение разницы в неодинаковых по уровню насыщенности подтекстовыми смыслами литературных текстах» (с. 82). Автор предлагает непротиворечивую теорию. А.М.Ерохиной определены 4 вида кодов для распределения лексий и проведён анализ выделенных лексий, позволяющий выявить возможные смыслы. Предложенный тип анализа позволил автору работы выявить особенность стиля Ф.М.Достоевского – своего рода «надстраивание друг над другом» нескольких кодов (с. 88), что является дополнительным свидетельством глубины текста писателя.

А.М.Ерохина выделяет 3 уровня подтекста по сложности его извлечения: сложность извлечения зависит «от размера лексии», «от семантического расстояния между компонентами смысла», «от количества кодов в одной лексии», «от уровня фоновых знаний адресата» (с. 92). Уровни подтекста связаны со степенями кодирования: «вторая степень кодирования представлена двумя уровнями подтекста (первым и вторым, <…>), а третья степень кодирования соответствует третьему уровню подтекста» (там же). И хотя в этой части для нас спорным является отнесение к средствам формирования подтекста слов с коннотативным значением и пунктуационных знаков, автор свою мысль аргументирует и иллюстрирует примерами.

При анализе лексий объяснение выявленных значений в некоторых случаях даётся через синонимы. Выбранный метод анализа (интроспекция), вероятно, снимает вопрос, как автор определял, что синоним точнее передаст значение, чем слово, использованное писателем в романе. Пример: «<…> прием градации: «грязно, пакостно, гадко». В данной градации использована коннотация усиления отвращения: *грязно* – в значении «недостойно»,

пакостно – оценочная коннотация, которую можно номинировать как «отвратительно»; *гадко* – экспрессивно-оценочная коннотация, возможная номинация – «мерзко»» (с. 96). И если первое слово ряда, возможно, нуждается в толковании из-за того, что употреблено в переносном значении, то замена «пакостно, гадко» на «отвратительно, мерзко» и выделение в первом слове исходного ряда оценочной коннотации, а во втором – оценочно-экспрессивной – это уже допустимое следствие применения названного метода. Особенностями авторского понимания можно объяснить использование в комментарии к оценочной по отношению к человеку номинации «ангел» терминов «языковая игра», «необщеупотребительное понятие» (с. 102).

Ценным является характеристика второго и третьего уровней подтекста, для которых свойственны увеличение объёма выделяемых лексий, усложнение методики выявления скрытых смыслов, наложение кодов.

В целом анализ смыслов, извлекаемых автором диссертационного исследования, интересен, последователен. Один из аспектов его практической значимости – предложенный в диссертационном исследовании анализ мог бы стать основой для публикации развёрнутого комментария к тексту выбранных романов, полезному, например, школьнику или иностранцу, читающему на русском языке.

Достойно внимания авторское рассуждение о роли выделенного герменевтического кода: «<…> герменевтический код – это заданный текстом вопрос, на который текст обязан дать ответ. Если на какие-то из заданных вопросов текст не отвечает (что может быть связано с недостаточной информативной емкостью художественного текста, <…>) и нет возможности получить ответ из самого текста, то у читателя возникает ощущение плохого качества текста, эффект разочарования» (с. 145). Рассмотрение специфики этого кода приводит диссертантку к двум логически вытекающим выводам: во-первых, вопросно-ответная связь обязательна для созданная любого текста, во-вторых, на этой основе любой текст – как научный, так и художественный

– создаётся для целей познания. Интересно и обоснованно также сделанное автором заключение о том, что в массовой литературе герменевтический код является только структурным элементом, заданным жанром текста (с. 147).

Третья глава представленного исследования посвящена проблеме ёмкости художественного текста и зависимости ёмкости от специфики подтекстовых форм. Автор работы приходит к выводу, «что «вершинные» тексты предоставляют адресату больше новой информации о мире человека, а «массовые» не только содержат меньшее количество информации, но и качество извлекаемых смыслов в массовых текстах гораздо утилитарнее» (с. 171).

Закономерно автор работы приходит к выводу, что «проведение полноценного сравнительного анализа между текстами Ф. М. Достоевского и Б. Акунина на первом уровне подтекста не представляется возможным, в силу разной природы образования подтекстового значения» (с. 177), а «различие по уровневому статусу художественных текстов (то есть по количеству подтекста) присутствует лишь на более высоких уровнях подтекста» (с. 180). Далее представлен вполне подтверждённый статистикой сопоставительный анализ двух романов, на основе которого автор исследования приходит к выводу, что «в вершинных текстах количество подтекста и емкость (по количеству смысла, приходящемуся на одинаковые текстовые фрагменты) выше, чем в текстах массовой литературы» (с. 183), при этом для определения «уровневого статуса литературы» важно не только само количество обнаруженных кодов выражения подтекста, но и их распределение по типам (с. 190).

Представляется ценным, что предложенная в диссертации А.М.Ерохиной технология извлечения смыслов позволяет, помимо прочего, проявить позицию автора текста. А кроме этого – определить, какой текст является полноценной моделью универсума, а какой – всего лишь его схемой. На основании двух конкретных проанализированных романов А.М.Ерохина

делает вывод, о том, что «роман Ф. М. Достоевского – модель универсума, а роман Б. Акунина – модель модели, или, условно, его «схема»» (с. 213).

Определив основные моменты, составляющие ценность и значимость представленной диссертации, выскажем некоторые замечания, касающиеся, в основном, первой главы. Главы, содержащие собственную авторскую концепцию и выполненный на её основании анализ, представляются непротиворечивыми, цельными, логически стройными.

В целом работа представляется законченным, композиционно стройным произведением. Однако, на наш взгляд, стоило включить в качестве отдельных структурных элементов уже на уровне оглавления выводы по главам, которые в итоге становятся основой заключения.

Представляется, что стоило жёстче связать формулировку цели с темой работы, имея в виду под объектом исследования способ моделирования художественного текста.

Считаем некорректным называние романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и части романа «ФМ» Б. Акунина («Теорийка») прецедентами «аналогов текстов разноуровневых литературных произведений» (с. 6). Термин «аналог» устанавливает между названными художественными произведениями отношения, которых нет и, учитывая время создания и задачи второго текста, не могло быть. Требует объяснения заведомое отнесение (уже на этапе «Введения») анализируемых текстов к произведениям «литератур» разных уровней.

Основной термин работы – «подтекст» – получает в теоретической части работы несколько толкований, среди них такое: «подтекст представляется явлением, в котором номинация, как эксплицитно осознаваемая семантика, отсутствует» (с. 18). Что значит «эксплицитно осознаваемая» семантика, какая ещё возможна? Требуется комментарий к фрагменту: «все текстовые элементы, в которых есть описание, указание на признаки и пр., но нет номинации – это формы подтекста, способствующие восприятию «бессознательного»: человек словно «видит» (мысленно представляет)

определенное событие, но не знает и не вполне понимает что это такое, т. е. нет «отгадки», номинации, объект не выражен на семантическом понятийном уровне» (с. 22).

Есть некоторая небрежность в оперировании терминами. С опорой на работу Р. Барта даётся определение «лексиям»: «фрагменты, смысловые блоки, на которые интуитивно членится текст» (с. 6), делается вывод: «Эти единицы вполне подходят на роль этого минимального смыслового сегмента для выявления и рассмотрения подтекста» (там же), то есть лексии являются структурными единицами, позволяющими «считать» подтекст. А на с. 45 за счёт употребления термина в скобках как будто бы возникает тождественность между этими понятиями: «автор художественного текста дает экономное соединение двух и более аспектов значения не в термине (как единице однозначного, но узкоспециализированного значения), а в подтексте (лексии)».

В качестве ключевых терминов для понимания категории подтекста названы термины «импликатура», «пресуппозиция» и «коннотация». Рассуждая об использовании термина «импликационал» стоило обратить внимание на работы М. В Никитина, который, судя по источникам, ввёл этот термин в русскоязычный лингвистический дискурс, противопоставляя экстенсионалу.

Вызывает вопрос, почему диссертанка отказалась от теории импликатур Герберта Пола Грайса и ввела новое определение импликатуры, нивелирующее термин. Цитируем: «Импликатурой мы считаем определенные, довольно крупные текстовые фрагменты, привлеченные адресантом из других текстов, или, другими словами, интертекст» (с. 26). Даже если согласиться с возможностью такого понимания термина «импликатура», на наш взгляд, неверного, необходимо решить вопросы, а) как определить, достаточно ли крупный фрагмент, чтобы он был признан «импликатурой» и б) узнаваемые короткие фрагменты при таком подходе не будут определены в качестве

интертекстуальных? Так же спорно и понимание термина «пресуппозиция» в этом текстовом фрагменте (с. 26).

На с. 53 автор рассматривает игру в качестве компонента художественного текста, а ниже даёт схему, располагая на ней художественный текст между игрой и наукой, говоря о том, что это разные виды познания. На с. 57 «игра» выступает уже родовым понятием: «Игра в обобщенном виде (все ее разновидности и модели, в том числе и художественный текст как «разыгрывание» определенного сценария <…>». Видимо, стоило маркировать разные значения термина «игра» или чётко определить объём понятия «игра».

На с. 24, 33 термины «понятийное мышление» и «семантическое» употребляются как тождественные, а на с. 57 это тождество разрушается: «Со своей стороны, понятийное мышление является основой для первого уровня – семантического, который и формируется в процессе овладения языком». Что значит «освоить» «чтение и понятийное мышление на семантическом уровне» (с. 52)?

В работе встречаются пунктуационные ошибки и некоторые речевые неточности (точность и уместность использования слов и конструкций «термин» (с. 21), «постулат» (с. 29), «в общеупотребительном контексте» (с. 102) и др.).

Несмотря на сделанные замечания, считаем, что работа демонстрирует начитанность соискателя учёной степени, владение навыками анализа текста, систематизации материала. Диссертация является законченным научно-исследовательским трудом, выполненным автором самостоятельно на высоком научном уровне.

Представленный автореферат полностью соответствует основному содержанию диссертации.

Диссертация «Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой ёмкости (на материале текстов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»)»

представляет собой исследование, соответствующее требованиям II раздела (пп. 9, 10, 11, 12, 13, 14) «Положения о присуждении ученых степеней», и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологической отрасли знаний. Автор диссертации Ерохина Анна Михайловна заслуживает присуждения ей искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

04.06.2020 г.

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры интегрированных
коммуникаций Школы
медиакоммуникаций
Института общественных наук
ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации» /Е. А. Глазкова

Подпись доцента кафедры
интегрированных коммуникаций
заверяю
Финансовый директор Института
общественных наук ФГБОУ ВО
«Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации» / И.А. Ронжина

Сведения об оппоненте. Глазкова Елена Анатольевна. 111673 г. Москва, ул. Новокосинская, д. 27, кв. 89. Тел. +7 925 228 68 12.

E-mail: elena-glazkova1@ya.ru

Место работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1. Многоканальный телефон: +7 499 956-99-99. Email: information@ranepa.ru

Доцент. Кандидат филологических наук. Доцент.

Публикации по специальности рецензируемой диссертации

Глазкова Е.А. Использование синтаксических средств для выражения оценки (на материале произведений А.С.Пушкина) / Е.А. Глазкова // Русская грамматика: Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. – М., 2019. – С. 176 – 181.

Глазкова Е.А. Нестабильные культурные доминанты в практике преподавания русского языка как иностранного / Е.А. Глазкова // Вестник: Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 33.2019. – Будапешт, 2019. – С. 64 – 73.

Глазкова Е.А. Правдоподобие как игра: анализ кейса «Барнаульский метрополитен» / Е.А. Глазкова // Правда – неправда – постправда: Сборник научных трудов проекта NOT ONLY: NOT ONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований. – М., 2018. – С. 59 – 98.

Глазков А.В., Глазкова Е.А. Нарративные тексты и их использование в сопоставительном чтении / А.В.Глазков, Е.А. Глазкова // Русский язык в школе. – М., 2017. – № 1. – С. 17 - 22.

Глазков А.В., Глазкова Е.А. Сопоставительное чтение: читаем Википедию вместе. / А.В.Глазков, Е.А. Глазкова // Русский язык в школе. – М., 2017. – № 5. – С. 15 – 20.

Глазков А.В., Глазкова Е.А. Использование таблиц при анализе нехудожественного тексте на уроке русского языка: работа с классификацией / А.В. Глазков, Е.А. Глазкова // Русский язык в школе. – М., 2016.– № 3. – С. 24 – 27.